

ИЛЬЯ КИРУШЕВ

Мой Север

СТИХИ И РАССКАЗЫ

Илья Кирушев

Мой Север. Стихи и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39825298

ISBN 9785449390370

Аннотация

Русский Север. Край холода, мороза и бескрайней тайги. Он выглядит очень неприветливым, но, как настоящий интроверт, он покажет всю свою красоту лишь тому, кто по-настоящему любит его. Все рассказы и стихи посвящены именно моей земле. Пусть и для Вас он откроется, медленно, рассказ за рассказом. Вы увидите всю его непринуждённую элегантность и чувственную эстетику. Каждый рассказ – его частичка, равно как и моя, вызов бури самых разных эмоций и переживаний. Приятного прочтения!

Содержание

РАССКАЗЫ	5
Две ночи у набережной	5
Ночь первая	5
Ночь вторая	16
Кот-оборотень	24
Автобус	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Мой Север

Стихи и рассказы

Илья Кирушев

Редактор Валерия Левшина

Оформление обложки Полина Турищева

© Илья Кирушев, 2018

ISBN 978-5-4493-9037-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

*О, Север мой, ты – край холодный,
Суров и ветрен, молчалив.
Красив ты и такой свободный,
Русской ты моей души порыв.*

Две ночи у набережной

Ночь первая

Посвящается самой главной моей читательнице, которая умеет вдохновлять. Имя я, конечно же, не буду говорить.

Бегущая строка ярко светила в этот позднеосенний вечер. На ней была лишь только одна надпись – «ТАБАК». Молодой человек шмыгнул носом, выходя из одного заведения, сразу положив мелочь во внутренний карман. Рядом с этим местом, почти у двери, стояли две неопрятного вида женщины и некий мужик, от которого чувствовался на расстоянии метра запах паршивого алкоголя, весьма неприятный, похожий на то, будто он смешал пиво и водку, а потом скинул в этот стакан пепел с сигареты, не имеющей фильтра. Он был

в какой-то смешной рубашке, и явно по нему было видно, что сегодняшний холод совсем данного человека не волновал. Хотя, может, он просто выделялся? Право, эти женщины не достойны такого самопожертвования и ухищрений. Да и в целом, зачем так удивлять их своей молодецкой удалью, если можно, по сути, просто купить девушке рулетик, пока она спит, нарезать, заварить чай и тихонько разбудить в свете солнечных лучей. Увидев готовый завтрак, она непременно будет рада. А тут он себя калечит, никакого бережного отношения к телу. Заболеет и умрёт ещё.

Хотя, учитывая, его заметно облысевшую голову и крайне хриплый голос, жить ему осталось не так уж и долго. Получит какой-нибудь рак лёгких и помрёт в больнице, безнадежно больной, среди таких же скорбящих, смирившихся со своей смертью и терпящих свою внутреннюю боль. Если так подумать, то, зная о неизлечимой болезни, почему бы просто не провести остаток жизни с ветерком, среди лучших своих друзей, в компании прелестнейших женщин, а затем, как придёт смертный час – выпить яду и умереть спокойно дома, на своём ложе, под звуки гитарных струн и весёлые крики. Ведь кто знает, что там после смерти? Мы вот все думаем, что это небытие. Однако, что если это лишь определенный этап в жизни, как первый поход в школу или взросление. Что, если там, далее, есть иной мир, скрытый от всех глаз, где душа человека испытывает эйфорию и экзальтацию от того, что она чувствует там. Впрочем, каждый получит то,

во что он верит, я думаю. Надеюсь, это будет заслуженный покой, знаменующий выход из бурного жизненного шторма. А так это лишь новые муки, всякие терапии, отчаянная борьба с непреклонной волей Жнеца.

Отчего бы просто не принять. Также, как мы принимаем со временем все изменения в жизни и адаптируемся к ним. В деревне Тибета жил когда-то один монах. Дело в том, что по соседству с ним жила семья с дочкой. Когда та повзросле-ла, то неожиданно для всех родила ребёнка. Когда её спрашивали, та с испугу ответила, что отцом является тот самый монах. Воспылавший яростью отец семейства взял младенца и отдал того монаху, хотя тот не имел никакого к нему отношения. Тем не менее, монах молча принял ребёнка и весь год его выхаживал, следил, смотрел за ним, играл и заботился. Тогда, видя это, девушка не выдержала и призналась, что настоящий отец – сын рыбака. Её отец взял обратно ребёнка у монаха и очень долго извинялся. Однако монах не был на него зол. Он принял то обстоятельство, принимает теперь и это.

Также и наш мужик мог бы спокойно принять свою смерть, и в оставшееся время прожить свою жизнь так, чтоб вокруг него были не эти неопрятности, а такие девушки, которых он видит только в журналах да лихие товарищи, готовые ровно на всё. Вряд ли его теперешние собутельники такие, совсем уже не те молодые люди.

Впрочем, я совершеннейшим образом задумался об этом

вопросе, а меж тем даже не говорил своего пути. Шёл я по направлению к Кировскому парку, что в моём городе стоит прямо у реки. Сам парк не столь интересен, как его набережная, где можно подолгу смотреть на течение реки Сысолы. В ночное время обычно парк пуст, и там не обитает разного рода странных личностей. Пройдя по набережной и смотря на другой берег, можно увидеть на той стороне обветшалые русские избы Заречья, около которых, как правило, нет толкового тротуара, лишь заледеневшие грязные корки. Пар уже шёл изо рта, а значит – зима уже скоро наступит. Подмораживает. Кроссовки уже не могут спасти своего хозяина от лап ветра, да и в лицо бьёт он весьма сильно, особенно сейчас, при выходе на главную городскую площадь. Людей на площади не было. Вечер субботы, всё-таки. Многие в это время обычно дома. Стоящий на постаменте статный Ленин – своеобразный страж на входе в старую часть города, в котором дома были выстроены ещё в стародавние времена. Перед ним город вовсе другой. Как-то раз, в одной из подворотен, на перекрёстке между гостиницей и «Детским миром» мне встретились натурального образа куртизанки, отметившие, что я «весьма милый мальчик». Они стояли в подворотне и курили, а я лишь шёл мимо. Я, конечно, улыбнулся, однако же в голове отметил их крайнюю помятость. Увы, но все живут так, как могут. Кто знает, может им это не нравится, однако, нет смысла их осуждать и упрекать в их древнейшей профессии, со своим уставом в чужой монастырь

не лезут.

Чем ниже спускаешься к реке, тем больше огней начинает светить в лицо. Странно видеть подобное на старых зданиях с большими окнами, однако, что есть, то есть. Здесь лишь стоит отметить круглосуточную «Пятёрочку», около которой постоянно собираются разные неприкайные господа по ночам. Часто, проходя мимо, я, порой, начинаю их узнавать, особенно в субботу. Однако же меня, думаю, они не знают. Здесь, конечно, чувствуется так, будто я сторонний наблюдатель, видящий их изменения в жизни с каждой неделей, которых, впрочем, совсем немного. Вот у молодого человека новый синяк под глазом, а вот у этого мужика куртка порвалась. Рукав что ли за что-то зацепился? Оценив их взглядом, я медленно спустился к самому парку и, наконец, услышал давно требуемый моей душой звук тишины, слегка режущий уши, после всего этого стона улицы.

Шёл я, как правило, сначала по дорожке, через сцену, прямо до конца парка, где стоит гостиница. Далее я спускался к реке, выходя на набережную, где сейчас стало уже довольно холодно. После же прохожу по набережной уже в другую сторону, почти в полной темноте, слушая музыку в наушниках, либо наслаждаясь переливаниями течения реки.

Однако, в этот раз всё прошло немного по-другому. Когда я вышел на дорожку, метрах в двухстах от меня сидела некая девушка, говорящая по телефону. Я решил ей пока не мешать и стоял поодаль, ожидая, что будет дальше. Де-

вушка сидела на скамейке, закрыв лицо одной рукой, а другой слегка придерживая телефон подле уха. Слов я, к сожалению, вовсе не слышал, однако до моих ушей доносились явное разочарование и неприятие. Благо, было совсем тихо и ничто не мешало звуковым волнам доходить до меня. Чтобы не выглядеть странным, я присел на скамейку и сделал вид, что листаю что-то в своём телефоне. Право, я забыл свои перчатки дома, а потому для пальцев это вышло сущим испытанием. Было столь холодно, будто сам стоящий надо мной фонарь мёрз и дрожал. Я начал открывать и закрывать вкладки, вовсе не отвлекаясь от того, что происходит рядом. Наконец, минуты через две, она закончила говорить по телефону и затем же осталась сидеть на скамейке и лить слёзы.

Тогда я встал со своей скамейки и пошёл в её сторону. Я поравнялся с ней и молча на неё посмотрел. Все эти 30 секунд дороги я думал, чего бы сказать. Знаете ли, в ночном парке вот так подойдя к человеку, его можно смутить. Однако же, я собрался и набрал воздуха.

– Извините, Вы... Вы плачете?

Она мигом замолчала и убрала с лица руки, затем, с некоторым удивлением посмотрела на меня.

– А Вы кто такой? Не приближайтесь!

– Да что Вы, всё в порядке. Ведь я не могу пройти мимо плачущей девушки.

– Я Вас совсем не знаю.

– Я Вас тоже. Успокойтесь и встаньте, пожалуйста.

Не пристало почтенной сударыне лить здесь, в парке, слёзы.

– А потом, Вы, конечно, меня убьёте в подворотне, не так ли?

– Ну-с, если бы я хотел этого, то сделал бы сейчас, пока никого нет.

Я вытащил руки из карманов и показал их ей.

– Вот, у меня ничего нет, кроме наушников.

Она всё равно смотрела подозрительно и не хотела встать. Рядом со скамейкой стоял мусорный бак. Там лежали цветы. Я подошёл и посмотрел на них поближе.

– Ваши?

– Нет.

– А мне, знаете, такие не нравятся. Мне нравятся фиолетовые хризантемы. Знаете, такой букет, штук шесть хризантем по сторонам и белая роза посередине. Отличная компоновка цветов, как по мне.

– Не могу представить точно, но скажу лишь, что сей букет отвратителен.

– Ну что же, Вы и далее будете сидеть и мёрзнуть на скамейке, или же, может, мне Вас проводить?

– Нет, не стоит.

– Знаете, сейчас в парке можно встретить разных людей, которые могут испустить на Вас горячительные слова, бросаясь за Вами бегом.

– Отчего же Вам таковым не быть?

– Оттого, что я ещё ни одного горячительного слова

не сказал, несмотря на холодную погоду. Давайте же я Вас провожу.

– Ах, я не спешу никуда.

– В таком случае, пройдёмте по моему маршруту. Я сейчас направляюсь к набережной.

– Отчего Вы не спустились на неё сразу?

– Потому что я желаю пройти кругом сначала по парку, и лишь затем, собрав мысли воедино, насладиться рекой, ни о чём не думая. Знаете, мысли мешают видеть красоту там, где мы её не замечаем, потеряв голову в гуле современной жизни.

– Что же, Вы каждый день здесь гуляете?

– Ну, здесь не каждый. В нашем городе есть и другие места, где можно пройтись.

– Вам же, наверное, холодно.

– Видя красоту природы, забываешь о всяком холоде, дорогая моя.

Она слегка улыбнулась.

– Ну что же, молодой человек, пройдёмте, покажите мне, что Вас так привлекает в нашей речушке.

Хорошо, что мы пошли. Ноги уже начали подмерзать.

Поначалу мы шли молча, вроде бы всё сказав, однако, дойдя до гостиницы я предложил выйти на набережную.

– Надеюсь, Вы не помчитесь бегом. Ведь там фонари заканчиваются.

– Ну что Вы. Я Вас более не боюсь. По Вам видно, что Вы

не относитесь к категории лихих людей.

– Хм, неужели? А если я актёр?

– Нет, Ваш взгляд, сударь, слишком добр, а значит Ваша душа, должно быть, чиста.

– Кто знает, но скажу точно, что она есть.

Выйдя на край набережной, я нагнулся за камешком и кинул один в замерзающую речку.

– Попробуйте.

Она кинула камешек, затем я. Так мы минут пять кидали их в реку, после чего продолжили путь в уже весьма хорошем настроении.

– И Вы находите счастье, молодой человек, в том, что кидаете камни в реку?

– Не только, но и в этом, конечно же. То, что я стал взрослее – значит, что мне нельзя кидать камешки?

– Это, должно быть, несколько должно смущать...

– Да ну, бросьте, Вы сами только что кинули парочку.

– Это потому что Вы кинули.

– Но Вам понравилось?

– В какой-то степени, да.

– А вот поглядите наверх. Посмотрите. Вон Юпитер, кажется. Я не астроном, увы, и считать звёзды не умею. Но просто представьте. Он так далеко от нас, никто ещё не видел его вблизи своими глазами, но мы можем его увидеть. Он словно дальний близкий человек. Добраться до него мы, увы, не можем, тем не менее, он всё равно светит нам, хоть и тускло,

но мы знаем, что это родной свет, и он нас даже греет в какой-то степени.

– Ах, как это романтично.

– Ну что Вы, это ещё чего. Жаль, сегодня многих звёзд толком не видно. Иной раз, здесь такой небосвод, такое звёздное одеяло, что, правое слово, даже вовсе и забывается само время, словно отпускает Вас из своих объятий и даёт немного постоять, смотря вверх, пока шея совсем не затечёт.

– Действительно, молодой человек, я с вами согласна, и как только люди, видя эту красоту, могут на этом свете быть злобными?

– Увы, но не каждому даны такие глаза, которые это могут видеть.

– Отчего же? Ведь глаза у всех одни.

– Да дело не в плане физическом, а духовном. Понимаете ли, сударыня, дело в том, что не каждый человек имеет перед миром столь тонкую оболочку, как мы с Вами, а знаете, их обвивает такая огромная жирная жаба, которая не даёт им это видеть.

– И в чём же это определяется?

– Да вот, хотя бы, в том, чтоб видеть красоту в этой обыденности.

– Знаете ли, я не обращала на это внимания никогда, может, лишь только в детстве.

– Значит, обращали. Значит просто не было времени.

На середине я остановился у набережной и посмотрел

на противоположную часть.

– Что там? – спросила она меня.

– Да ничего. Просто нравится стоять именно здесь. Тут река течёт параллельно набережной и тому берегу. Ровное течение.

Она не стала ничего отвечать и стала на бордюр. Простояв так минут пять, мы продолжили наш путь. Появился первый фонарь и я осмотрел её получше. Внешность меня интересовала мало, посему я глядел в глаза.

– В Ваших глазах читается тревога. Что же Вас беспокоит?

– Да не столь это важно. К тому же, почтенный молодой человек, мы уже вышли к концу набережной. Вам, наверное, стоит уже пойти домой.

– Право, ради Вас я мог бы и задержаться.

– В таком случае, давайте решим так. Я буду Вам доверять, если Вы придёте и завтра. Кто знает, что там в жизни произойдёт далее.

– Совершенно согласен.

– Отлично. Тогда завтра в десять вечера на той скамейке, где Вы изволили меня встретить не в самом лучшем состоянии. Договорились? – она протянула свою ручку.

– Договорились. Я, конечно же, приду, – сказал я и пожал её ручку своей рукой.

Далее я пошёл в сторону своего дома, а она в сторону площади. Я остался в несколько сумбурных чувствах, ведь я планировал пройтись один, а здесь вот, мне нашёлся ин-

тересный спутник. Безусловно, я непременно решил пойти в этот же парк и следующей ночью. А сейчас же, по приходу домой, как следует отогревшись, я попил зелёный чай и, недолго думая, пошёл спать, уже не садясь за свои лежащие на столе мёртвым грузом дела.

Ночь вторая

В этот раз, оставив все свои дела, я быстрым шагом, ровно по времени отправился сразу в парк, минуя улицы через тёмные, неприветливые дворы. Посему парка я достиг очень быстро, придя в него даже ранее назначенного времени. Я не особо обращал внимание в этот раз на его красоту, хотя и было на что посмотреть, конечно.

Тем не менее, в этот раз я сразу же пришёл к той скамейке и сел ждать. Время уже наступило, однако её по сторонам не было видно. Кто знает, вдруг человек задерживается. В таких случаях, конечно, следует быть весьма терпеливым и немного подождать, а не уходить сразу через пять минут, как только лишь надоест смотреть на снег. По причине своей забывчивости и некоторой мечтательности, я оставил наушники дома и просто сидел, смотря вперёд. Часто бывает, что когда думаешь вовсе не о том, можешь оставить всё, что угодно дома. Да и наушники, по сути, были мне ни к чему, ведь я не музыку слушать пришёл.

Однако же, она пришла очень скоро. По мне даже прошла

небольшая дрожь. Хорошо, когда человек держит слово. Она поравнялась со мной и посмотрела на меня.

– Отчего же Вы сидите? Идёмте же.

– Ах, право, я немного задумался. Со мной бывает такое порой, к тому же, из головы ещё не выветрился шум сегодняшнего дня.

Я поднялся со скамейки и встал по направлению к гостинице. Она взяла меня под руку и мы не быстро пошли второй раз по тому же маршруту.

– Что же сегодня Вы можете прочесть в моих глазах?

– Дайте подумать. Я вижу, что Вы сегодня не столь тревожны и находите моё общество Вам весьма интересным.

– Да Вы экстрасенс, однако. Не увлекаетесь ли спиритуализмом?

– Ах, что Вы, это может делать каждый, если смотреть не на то, каков человек внешне, а каков внутренне. Ваши глаза имеют глубину, в которой сокрыта Ваша душа, отчего, конечно, всегда интересно погрузиться туда, во внутренний мир. Хорошо, ежели он не беден. Ведь его богатство заключается отнюдь не в бумажках и блестящих украшениях, сколько в бескрайних долинах чувств и морях эмоций.

– Однако же, позвольте, Ваши глаза имеют такую же глубину?

– Вы правы, именно так и есть. Порой можно так углубиться туда, что, ровно не замечаешь, как проходит весь день, как летят часы один за другим, как движется минута

за минутой. Там можно оставаться на очень долгое время.

– Вы хотите сказать, что это нечто вроде иного мира?

– Так и есть, и у каждого человека он свой, отнюдь.

Вот мы и вышли медленно к набережной. Река мёрзла всё сильнее, а значит, в скором времени уже не выйдет смотреть на её равномерное течение, что я сразу же отметил в своей голове.

– Как Вы можете заметить, сегодня Юпитера нет. Он в этот раз скрылся и теперь останется лишь наслаждаться остальными звёздами, коих, к счастью, на небе множество. Нужно найти лишь одну, а затем уже откроется всё остальное. Это словно найти книгу одного автора, а затем перечитать всю его литературу.

– Вы много книг читаете?

– Не сказать, чтоб очень много, но авторитетно заявлю Вам, что стоит обратить внимание на Достоевского и Булгакова. Прекраснейшие писатели, мне до таких ещё столько же, как вон до той Полярной звезды.

– Не стоит так говорить. Вы очень интересный человек.

– Однако же, не лишённый самоиронии. Ведь я обычный человек, стало быть, я смертен, а Достоевский – он бессмертен.

– Но ведь он уже давно похоронен.

– Но никто его не забыл, он живёт у нас в голове, а значит, он жив.

– И книг таких, что звёзд на этом ясном небе. Да, я с Вами

согласна. У меня у самой имеется некоторая библиотека, где можно найти чего интересного.

– Главное, почтенная моя, чтоб они не столько пылились на полке, сколько их смысл был в голове. Ведь что есть прочитать книгу. Да, каждый её поймет по-своему, однако же, по сути, это лишь набор букв, сообщение, поданное в такой мере, что далеко не все смогут понять его. Важно именно его понимать, знать и чувствовать всей своей душой, а затем оставить для него местечко в своей душе, и чем больше там места, тем лучше приходит понимание этого, а идея так и остаётся жить в человеке. Ведь иной раз сам хочешь что-то сказать и не можешь сделать это просто и прямо. Тогда ты садишься и пишешь что-то.

– Вы много пишете?

– Да, бывает временами, зажигаю свечу и записываю, ерунда.

– А у Вас есть муза?

Я улыбнулся и молча посмотрел на неё.

– Если и есть, то, скажу так, что я её представляю стоящей рядом с моим столом, смотрящую, как я что-то делаю. Стоит молча в темноте, в такой, что я её даже не вижу, но чувствую.

– Удивительно.

После этого мы вышли на середину набережной и начали туда смотреть. Она кинула свой взор на реку. Я встал подле, вздохнул и начал смотреть на далёкую ржавую водонапорную башню.

– Однако же позвольте спросить. Вы мне доверяете на сей момент?

– Думаю, что да, а значит, стоит Вам сказать, что же меня так тревожит.

– Что же, – начала она, – дело в том, что завтра мне следует уехать из Сыктывкара.

– Куда же Вы держите путь?

– Держу я путь в Москву. Завтра мне требуется туда вылететь, где меня ожидает молодой человек вот уже с две недели.

– Отчего же Вы сразу не уедете?

– Проблема лишь в том, что, как Вы могли заметить и понять, я не имею никакого желания туда ехать, так как приходится всё время ссориться и выяснять отношения.

– Но ведь Вы всё равно собираетесь?

– Да, ведь Вы сами понимаете, чего мне тут оставаться. Да, может будут некие ссоры снова, но лучше уж принять свою судьбу так, нежели чем быть здесь.

– Здесь тоже неплохо, хоть я и согласен с Вашими суждениями. Вы вот подумайте, да, несмотря на Вашу правоту в данных рассуждениях, позвольте спросить Вас, а Вы будете счастливы там, не одолеет ли Вас мысль, что Вы совершили ошибку?

– Вот меня и гложет сея дилемма.

– Вам где счастливо? Где Вам хорошо?

В этот момент она взяла мою руку и я почувствовал, как

она дрожит.

– Ах, сударь, почтенный Вы мой и дорогой, чувствовать счастье я стала теперь, смотря на эту реку! Я чувствую себя хорошо в Вашем обществе, из-за чего мне теперь стало ещё сложнее! Ведь всё уже решено, Рубикон перейдён!

– Ну что Вы, я не буду Вас осуждать.

– Но я буду осуждать себя...

– А не будете ли Вы себя осуждать, если уедете отсюда прочь?

– Этого я и боюсь. Ведь там нет этих прекрасных картин, что я вижу вот уже вторую ночь.

– Мне бы и правда не хотелось Вас останавливать и быть причиной Ваших тяжёлых измышлений. Я могу уйти.

– Ах нет, что Вы, не уходите! Я нахожу Ваше общество крайне успокоительным и приятным.

– И всё же я не собираюсь никуда ехать, мне сейчас хорошо и тут, сидя дома за своими делами, а затем смотря мерно в окно, дожидаясь прихода ночи.

– Я... Мне стоит подумать. Вот что, вот что я придумала. Давайте же поступим так. Приходите завтра к набережной. Если я не приду, то идите спокойно домой, значит я уехала.

– Хорошо, так тому и быть.

Мы как раз дошли до начала фонарей, а значит, пришло время прощаться. Я повернулся к ней, смотря до этого в сторону.

– Ну что же, Вам, верно, надо бы идти.

– Обещайте мне серьёзно, что завтра будете здесь, на середине набережной. И не обижайтесь на меня, если я не приду.

Я кивнул головой и обнял её, после чего отпустил. Пока она уходила, я ещё немного постоял под фонарём, а затем направился в сторону дома, ибо пришло время, когда стоит удалиться в царствие Морфея.

К третьей ночи я сидел и занимался своими делами. Я совершенно помнил своё обещание и постоянно смотрел на время, как бы не упустить нужный час. Сказать честно, я не сильно надеялся на то, что эта девушка не уедет в Москву, ведь столь сильны обстоятельства, однако же мне было очень интересно всё-таки прийти на набережную и постоять там хотя бы недолго.

Когда нужный момент наступил, я наскоро накинул своё серое пальто, ловким движением накинул шарф и вышел, закрыв аккуратно дверь. Ни наушников, ни телефона я взять не подумал. Кто бы мог подумать, что я перестану думать реалистично и на что-то надеяться. Тем не менее, весь день я был словно на иголках и теперь, наконец, смогу вздохнуть спокойно. В этот раз я не стал идти по своему заданному маршруту, а пошёл сразу вниз, к набережной. Затем же я остановился ровно на середине, ровно на том же месте, где стоял вчера и уставился вдаль. Мне быстро стало скучно и я достал сигареты, начал курить. Как-то даже несколько забылось, зачем же я здесь стою. Я вновь посмотрел на ту ржавую

башню, что в ночи смешно торчала вдалеке, словно Заречье было неким великаном, а это была его шляпка.

В этот момент я повернулся и увидел знакомый мне силуэт. Я слегка поднял бровь, явно не ожидая подобного исхода, отчего моя рука выронила сигарету, которая колбаской покатилаь в реку. Я улыбнулся и пошёл навстречу.

Кот-оборотень

Полнолуние.

Свет распространялся равномерно по тёмной улице, её холодные лучи полностью заливали крыши небольших домов маленького карельского города. Он сидел и нежился под Луной, рассматривая далёкие пятиэтажки и общаги. Чёрный, большой, очень пушистый кот с добрым взглядом. Наконец, настал тот день, когда он снова пойдёт навстречу подкармливающей его девушке. Сам кот был очень стеснительным и будучи человеком, зная адрес, идти знакомиться не хотел, хотя она ему нравилась. Да и что ему говорить-то, ведь она его только в виде кота видела, подумает ещё, что сумасшедший пришёл. Так что кот наслаждался только встречей каждое полнолуние.

Он домыл лапки и мягко прыгнул на землю, а затем рысью побежал в сторону многоэтажек.

Уже через двадцать минут он залез на заветное окно и начал характерно мяукать.

– Мивк! Мивк!

В комнате зашумело. Кто-то встал из-за стола и направился к окну.

– Кто это у нас там шебуршит?

Окно слегка приоткрылось. Показалось симпатичное лицо. Кот радостно юркнул внутрь и спустился с подоконни-

ка. Девушка закрыла окно и повернулась к коту. Она была в большой длинной футболке, которая явно гораздо больше её размера. Из-за футболки еле было видно короткие шорты.

– Пушок! – радостно крикнула она и взяла большого пушистого кота на руки. Она начала его тискать, обнимать и запускать свои небольшие нежные ручки в его пушистые бока. Кот прикрывал глаза, чувствуя эти касания. Наконец-то. Он лишь жалел, что это продлится лишь одну ночь.

– Пушочек! Почему так долго не приходил?

«Эх. Если бы она только знала...»

– Смотри, маленький, хочешь покушать немного?

– Мэу?

– Вот! Немножко мяса, что осталось. Кушай.

– Мэу!

Кот подбежал к миске и начал жадно поедать, что там было.

«Хммм, не самое лучшее, что я пробовал. В лесу у медведя гораздо вкуснее. Хотя, конечно, стоит отметить, что я ем из её ручек. Стало быть, это лучшее, что я когда-либо ел!»

Девушка ушла обратно в комнату. Тот доел и, найдя закатившийся под кровать теннисный мячик, начал им играть, получая удовольствие не столько от того, что он им играл, сколько от смеха девушки.

– Ладно, пушистый, я иду спать. Ложись рядом. Только ночью опять не уходи, хорошо?

Он бы с радостью не ушёл, но утром он уже начнёт пре-

вращаться в человека. Тем не менее он прилёг и в счастли-
вом настроении прикрыл глаза.

Часы прошли незаметно. Он резко проснулся, почувство-
вав боль в суставах. Началось! Только не сейчас! Окно ещё
закрыто!

Он прыгнул на подоконник. Она, видимо, подготовилась,
чтобы он опять не сбежал. Однако ему вновь повезло. Лап-
ки начали превращаться в руки и он увидел, что из лап уже
прорастают развитые фаланги пальцев. Оборотень напрягся
изо всех сил и открыл-таки окно с горем пополам, хоть и по-
тратил на это драгоценные пятнадцать минут. У него около
часа, чтобы добежать домой и спрятаться.

Так. По Красной улице направо, на Трудовой переулок,
через Нагорный проезд срезать по дворам и... Дом, милый
дом! Хорошо, что ещё так рано. А то он уже чувствовал, как
ему неудобно бежать на четырёх лапах или уже... Ногах? Он
перешёл на две. Что тут такого? Просто обычный парень го-
лышом бежит по улице, у нас в стране это абсолютно нор-
мально. Разве что какая-нибудь старушка на остановке, уви-
дев оное зрелище, перекрестится три раза и начнёт причи-
тать: «Ой-я, ой-я, чего только на Руси не увидишь!»

Он всегда оставлял окно своего домика приоткрытым.
Вот и сейчас он с размаху в него запрыгнул, где кувырком
упал на пол, а затем прижался спиной к стене и сделал выдох.
Как говорится, после обрыва большого счастья после неко-
торого времени идёт непонимание, а затем приходит тоска.

Русская Тоска. Знаете, каковая имеется в романах Достоевского. Сперва он нашёл одежду, приготовил кофе, чёрный, крепкий. Затем достал сигарету и вышел на террасу. Бабка вроде с остановки ушла. Он закурил. Пошёл маленький дождик.

Зазвонил телефон. Он докурил сигарету и только потом пошёл брать трубку.

– Алло! Сова, ты что ли? Да-да, дома. Время? Да сегодня ничего не собирался делать. Да, в гости можно. Что? А... Ну, да, был. Да, убежал. Знаю.

Он, слегка покраснев, положил трубку. Сова пришла через десять минут.

– Ну что? Как прошло утро? Как настроение?

– Настроение? Курить и пить.

– Что пить?

– Что в руку дадут.

Он засунул в рот новую сигарету.

Сова резким ловким движением её вытащила и выкинула, чем вызвала полное недоумение Кота. Затем, заметив открытую валерьянку, она быстро засунула её обратно в тумбочку.

– Так, всё. Ты – унылое ничтожество! Давай! Пойдём!

– А куда?

– Брать твою даму!

– Как?

– Ну... Вот так. Берём, связываем, сюда тащим и всё. Я тебя потом тактично оставлю.

– Ну, не. Я же не медведь-оборотень. Это его прерогатива.

Он так делает.

– Фу-ты, ну-ты. Но, тем не менее, она теперь его жена.

– Ой, наверное, не любит. И меня тоже не полюбит в моём виде.

– Полюбит, ты симпатичненький.

– О-хо-хо-юшки хо-хо. Ладно, пойдём. Я об этом пожелаю.

Они вышли. Сова надела смешную шляпку и тёмно-коричневое пальтишко. Кот надел серенькую куртку и широким шагом, засунув одну руку в карман, вышел на улицу.

За ним маленькими шажочками почапала Сова, на ходу открывая зонтик.

– Ты намочишь голову и заболеешь!

– Не, не заболею.

Вскоре они сели у парадной на ступеньки.

– Я дальше не пойду. Квартиру не знаю.

– В окно постучи.

– Нет!

Сова вздохнула.

– Ну пойдём, там вахтёрша сидит. Спросим её. Я спрошу.

– Не, не надо. Просто посидим.

– Да пойдём, усатый!

– У меня нет усов!

– Это метафора! Вставай! Вставай!

Она начала дёргать кота. Тот ни в какую не желал вставать.

– Ну, кот! Кооооот!

– Отстань!

– Ну и сиди здесь!

Сова собралась было уйти, но в этот момент вышла эта самая девушка. Сова аж уркнула и толкнула кота с лестницы. Тот, чтобы сохранить равновесие, встал и пошёл за ней.

– Эээ... Простите.

– Да? Вы что-то хотели?

– Это... В общем... Я...

Она остановилась, поправила беретик и уставилась на него, хлопая глазами. В круглых очках они казались большими.

– Ну, – продолжил нерешительно кот, – мне кажется, я Вас где-то видел. И... Это...

– И он хотел бы познакомиться! – крикнула Сова.

– Да! – кот опустил глаза вниз и рассматривал свои кроссовки.

– Ну, что же, меня зовут Регина.

– А? А... Приятное имя. А я Котофей, ой, то есть это... Тимофей.

– Вы и правда похожи на котофея.

– Да это... Вот, да. А... А чем увлекаетесь?

– Можно на «ты»?

– Да-да.

Он, в принципе, и так знал, чем она увлекается. Знает, что она рисует, очень хорошо рисует, и готовит вкусные стейки.

– Ой, так сразу и не скажешь. Рисую.

– Ух ты. А я... Мышей ловлю и играю в карты с хорьками на орешки. Ой.

– Серьёзно?! – она начала заливаться смехом, – хорьки – это, стало быть, какие-то прозвища друзей? А мыши? Ой, ты странный такой.

– Да-да. Так и есть, в общем-то, да.

Она смотрела на него уже с загоревшимися от интереса глазами.

– Ещё я люблю сидеть на крыше, мяукать, ой, то есть петь песни при Луне, вот.

Она не переставала улыбаться. Кот подумал, что вот сейчас пришло время куда-то её пригласить. Однако он никак не мог выдать это из себя. Надо признаться, что он и есть тот кот, но как? Ведь она посчитает его сумасшедшим.

– А знаешь, мне тоже нравятся большие длинные футболки. И нравится куриное, вот, слегка прожаренное, маринованное в сметане, мясо.

– Эээ... А откуда ты это знаешь?

Она крайне удивилась услышанному. Ведь он не видел ни футболки, ни что она ела. Он маньяк что ли?

То же самое подумал и Кот, он занервничал. Чёрт подери, он сейчас совершенно похож на странного поехавшего маньяка!

– Я... Я... Это...

Он не мог сказать, что он Кот-оборотень.

Спас его положение подъехавший автобус, который встал на остановке, мимо которой они шли. Он прыгнул в автобус, за ним двери закрылись и оставили Регину в замешательстве.

Кот присел и вздохнул с облегчением. Следящая за ним Сова выругалась и почапала домой в дурном настроении, тоже не решившись самой подойти и сказать ей, кто же был этот таинственный молодой человек.

Кот приехал домой. Он сел за стол и достал валерьянку.

– Напьюсь и будет легче. Как минимум, она теперь не думает, что я маньяк. Как-нибудь потом, не сегодня.

Он выпил одну стопку, облился и пошёл на балкон. Зажёг сигарету. Дым ровно пошёл по слабому ветру. Он докурил одну, взялся за другую. Никотин, аки таблетка счастья, ударила ему в голову. Он начал улыбаться и расслабился, присел, поставив ноги на окно. Тут он услышал знакомое бурчание внизу. Он резко встал, при этом чуть не свалился на пол. После выглянул. Он так и знал. Это Медведь. Но что он здесь делает?

Медведь шёл с той самой девушкой, которую он тогда выловил. Он зачитывал ей наизусть Евгения Онегина своим громким и с нотками протяжности голосом. Словно он идёт не из гортани, а из завораживающих хтонических глубин.

Это было крайне умирительно, несмотря на неуклюжесть кавалера. Кот даже выронил сигарету. Девушка хихикала и радовалась, а оборотень нежно её придерживал. Кот мгновенно себя поставил на место Миши и представил, что он-

то тоже вполне мог так идти. Ведь ему ничто не мешало. Он зашёл обратно и начал делать вдохи и выдохи. Кот верил, что если сделать семь вдохов и выдохов, обдумывая своё решение, он сможет его принять. Но если он его примет, отступить больше нельзя. Решился – иди до конца. Он сделал свои Вдохи Самурая и в итоге так ничего и не решил. Затем он выпил ещё валерьянки, выдохнул.

– Ну всё! Я пойду! – крикнул он сам себе, – возьму и пойду! Опять ждать месяц?!

Он наскоро оделся, кое-как поправил свои пепельно-чёрные волосы и отправился.

Дождь всё ещё накрапывал. Он подошёл к её окну. Там была огромная лужа, которая образовалась только сегодня. Он, недолго думая, залез в лужу и начал стучать в окно. Никто не открывал. Он вздохнул и прибил к стене. Вода мгновенно прошла через его тряпочные кроссовки и он чувствовал своими ногами её потоки. Он подождал пару минут и снова постучался. Ему снова не открыли. Пойти найти квартиру или хотя бы просто зайти погреться он не решался. Сама природа ему говорила идти в дом. Дождь начал идти сильно, холодные капли одна за другой впивались в его лёгкую куртку, падали ему на нос и на лоб. Он постучал ещё два раза. Решил закурить. Спички намочились. Он опустил голову, не обращая внимание на попадание капель за шиворот. Гроыхнуло. Стало темно. Ему стало настолько грустно и тоскливо в этот момент, что он начал мяукать. Причём

именно так, как он мяукает и в виде кота, совершенно идентично.

– Мэу! Мэу! Мэу!

Тут за окном стали, наконец, раздаваться какие-то звуки.

– Котик! Это ты? Прости, я была в наушниках! Пушочек!

Она открыла окно, но Кот этого не заметил. Звук задвижки совпал с громом и тот не услышал и продолжил мяукать.

– Тимофей?! Ты? Как? Э...

Он понял, что на него прямо сейчас смотрит она. У него чуть не подкосились ноги, но он смог собраться и развернулся.

– Да, я Пушок! Я – Кот-оборотень!

Волосы упали ему на глаза.

– Вот что я сегодня хотел сказать. Уф. Поэтому я всё знаю.

– Это... Давай я открою.

– Не!

Он легко запрыгнул на окно и ловко ввалился в комнату.

– Ща, я разделюсь.

Девушка присела и лишь кивала головой.

Он разделся, вытерся одноразовым полотенцем и сел напротив.

– И та девушка, Сова, она тоже.

– О... О...

– Оборотень, да. Нас много таких.

– Но ведь вы, ну, опасные.

– Миша да, если выпьет, а я... Ну... Не очень.

Он слегка улыбнулся. Его все ещё одолевали стеснение и скромность. Он снова рассматривал свои ноги. Он выпалил всё, что смог, и теперь снова не было смелости. Это всё-таки человек.

– Кроссовки... Надо положить на батарею.

– Эээ... Да, пожалуйста.

Он аккуратно встал и положил их, затем снова сел рядом. Они долго молчали.

– Я знаю, что ты красиво рисуешь.

– Да. Но ты точно не из этих, кто вечно следит и это...

– Нет. Я живу на другом краю города.

– То есть ты каждое полнолуние бегаешь оттуда сюда?

– Да, ты же когда меня подобрала раненого и отнесла домой к себе, я же не мог это забыть, пусть и убежал.

– Я там была всего раз и то как-то случайно получилось.

– Ну, тогда, может по шоколадке?

Благо, он додумался их взять.

– Оу. Ну, давай по шоколадке.

***

– Алло! Кот, ты что ли? Ой, давно не звонил. Ой, дела у него. А я говорила! Говорила! Ишь какой шустрый, всего два года прошло! И что, Медведя позовёшь? Смотри, чтоб мёда не перепил! А то сам знаешь... И мышей не надо, люди ж придут ещё. Хорошо, там и встретимся.

Сова положила трубку. У неё было всего около часа. Она бегом надела свою маленькую смешную шляпку, своё слегка постаревшее тёмно-коричневое пальтишко, подпоясалась, надела маленькие милые ботиночки, одним махом, как ковбой, схватила зонтик и засунула его под пояс, представляя его револьвером.

Она вышла, вдохнула свежего воздуха.

– Пора.

Вот так Кот и женился. Начинайте с шоколадок.

Автобус

– Заглохла. Она заглохла!

Он ударил по рулю и сказал невнятный мат. Ветер за окном завывал так, будто хохотал над бедным человечешкой.

– Кто-то сегодня пойдёт на корм волкам, не так ли? – словно произнёс Ветер.

Ему в ответ пошелестели многочисленные ели по обе стороны дороги, скинув свои снежные шапки.

Мужик достал телефон. Не ловит. Он в ловушке.

– Вот блин! Ну и вляпался, – сказал он сам себе.

Машина начала быстро охлаждаться, в салоне уже скоро стало совсем не жарко. Мужик покамест решил не выходить. Он надеялся, что рано или поздно кто-то проедет. Главное не уснуть. Правда время уже три часа ночи... Но ничего. Русские люди и не в такой мороз держались, ничего страшного.

Он порыскал по карманам. Нашёл небольшой фонарик и пачку сигарет. Как там поётся? «Но если есть в кармане пачка сигарет, значит, всё не так уж плохо на сегодняшний день». Однако мороз медленно проникал сквозь двери, сквозь стекло, начал рисовать свои причудливые узоры, закрывая собой чёрное небо и страшные кроны деревьев. Мужчина закурил прямо в машине, откинулся в кресле. Что же делать?

Умирать совсем не хотелось. Дома жена, дети. Его же ведь

потом и не найдут даже, в этой-то глуши. Завещание что ли начать писать? Нет, нужно бороться.

Он решил немного отвлечься от этих печальных мыслей. На телефоне 15 процентов зарядки. Поиграть может, истратить уже батарею до конца. Он сел играть в мобильную незамысловатую игру. Время от времени он вздыхал. И ведь надо было ему ехать. Ведь его ангел-хранитель словно предупредил его – не стоит. Дома люстра упала перед выходом, на заправке еле бензин нашли, авария произошла прямо перед его глазами. Он начал вспоминать, что ещё было. Припомнил, что птица садилась на окно его домика и стучала клювом в стекло. Как теперь не верить в приметы? Он хоть и атеист, но теперь в кого угодно поверит, лишь бы спастись. Молиться начать может? Да он ни одной молитвы не знает. Как там?

Отче наш, такой-то на небесах, пусть святится имя Твоё... А дальше он и не помнил.

Через пятнадцать минут телефон начал экономить батарею, переключился на энергосберегающий режим. Мужик упорно играл и старался всеми силами уйти из реальности, оказаться дома, в тёплой постели, рядом с женой, а не вот это всё. Ну и нужно оно было? Что ему эти деньги, за которые он вот так теперь глупо пропадёт. Ну не заработал бы он, ничего страшного, не оголодали бы. А теперь? На кого он свою семью-то оставит?

Он задумался. Вот он сейчас умрёт, да. А что если он

не отправится там в Ад или Рай, а останется бродить привидением по дремучим лесам или превратится в какого-нибудь зайца? А если он будет недвижимо наблюдать за страданиями его семьи? Будет только пугать их, вещи ронять и являться только в беспокойных снах его жены?

От таких раздумий ему стало не по себе. А может от холода. Он посмотрел на часы. Время идёт очень, очень медленно, стрелка крайне лениво шла вперёд, не желая идти быстрее. Утро ещё не скоро, рассвет бы увидеть.

Карельский лес очень жесток. Его знакомый умер здесь на охоте. Пошёл пострелять, называется. Два дня его не было, потом пошли искать всем селом. Нашли только обрывки одежды да огрызки. Оказалось, что он ногу сломал, да так и пролежал, пока его то ли волки, то ли медведь по частям не растащили. Да, лес может дать всё – большие богатства, особенно если ты удачливый охотник, если фанатично добываешь эти чёртовы шкуры и это чёртово мясо, а потом может забрать абсолютно всё, а ты это даже не осознаешь. Даже с компасом и картами здесь легко может потеряться даже тот человек, кто всю жизнь здесь прожил. Легко быть убитым животными, застрять насмерть в болоте, да опять-таки сломать ногу и сгинуть в страданиях. Не одно поколение это уже испытало.

Мужик кинул сигарету в выдвижную пепельницу и вздохнул. Начал мигать фонариком, мало ли что. Не помогает. Никого нет. Он здесь один, совершенно один. В такие моменты

любому человеку готов довериться, не беря в расчёт его намерения. Лишь бы помог выбраться. В эти минуты человек особенно хорошо осознаёт то, как он нуждается в чьей-то помощи и охотно идёт на любую коммуникацию. Это сложно представить, когда сидишь у камина и пьёшь горячий кофе, смотришь, как играет пламя, под ногами тёплая медвежья шкура, а на теле клетчатый плед. Тогда никто не нужен и хорошо сидеть одному. А вот в такой критической ситуации хочется лишь звать на помощь, надеясь, что хоть кто-то откликнется.

Мужик немного подумал, залез в бардачок и начал лихорадочно искать карту. Он нашёл то, что надо и посветил фонариком. Благо, ездит он здесь часто и труда найти своё местоположение ему не составит. Он взял фонарик в зубы и прищурил глаза. Ага. До ближайшей деревни двадцать километров. Есть ли шансы? Если вот так идти, то очень крохотные. Но оставаться в машине тоже нельзя, замёрзнет, ноги уже начинают отниматься, холод-то просто собачий.

Он почесал голову, закинул в карманы карту, сигареты, зажигалку, бутылку воды, какие-то то ли чипсы, то ли сухарики и решительно открыл дверь.

Мороз мгновенно ударил в лицо, по глазам. Мужик закрыл дверь ногой и побрёл вперёд. Он явно переоценил свои силы. Ладно в лёгкий холод идти такое расстояние, но в лютой мороз...

Однако решение было принято. Если уж решился – не иди

назад, не то будет только хуже. Он упрямо, наперекор ветру шёл вперёд, стараясь быть побыстрее, но при этом сохраняя энергию в своём теле. Вода под мышкой начала потихоньку теплеть. Брови почти сразу покрылись инеем, в том числе и из-за шарфа, надвинутого на лицо. В эти минуты он мечтал о тёплых очках, которые надевают лыжники. Он к этому все-му относился с иронией и считал вообще любое укутывание не мужским делом. Но в эти минуты его жизнь словно ушла на второй план. Остаётся лишь «до», но будет ли «после»?

У людей в эти минуты обычно развивается полная непри-нуждённость к себе, чтобы убрать мысли о смерти и холоде мужик начал шутить. Он вспомнил, как смотрел какой-то фильм, где весь мир накрыло сначала наводнением, а потом холодом. И знают хоть чего-то киношники о настоящем холоде? Вот приехали бы сюда и ощутили всё на своей шкуре.

Вдали послышался волчий вой. А он даже оружия не взял никакого. Ни ружья, ни ножа. Для стаи отличная добыча. Он подумал, что можно было бы отбиться веткой. Как-то раз он почувал вблизи от себя медведя и начал громко стучать по дереву большой палкой, имитируя выстрелы из ружья. Тогда пронесло.

Сил нет ветку срывать. Одежда уже промёрзла, а организм упорно не хочет предпринимать какие-то усилия. Тяжело что-то делать. Он словно становится оловянным солдатиком, которого легко можно сломать.

Однако он идёт вперёд, шаг за шагом, метр за метром,

но спасение всё ещё очень далеко, там, за деревьями, за горизонтом. Он достал сухарики из кармана и одним движением их все съел, надеясь, что это придаст тепла, запил слегка потеплевшей водой. Стало чуть лучше. Он даже перешёл на быстрый шаг, почти бег. Но он знал, что лучше не бежать. Да, поначалу будет тепло, но потом ты вспотеешь и замерзнёшь ещё быстрее, а в такую погоду далеко не убежишь. Ветер и его друг Мороз очень быстро настигнут и заберут в свои мягкие смертельные объятия. Они и сейчас поют рядом колыбельную, так соблазняяще предлагая никуда не идти, а просто лечь и успокоиться навсегда. Он сам с детства жил в Коми, карельских богов не знал, но зато хорошо помнил рассказы деда о коми и мансийских богах. Войпель – бог ветра, покровитель охотников и Холат-Яхыл – повелитель мороза, сегодня явно не в духе, шатают кроны деревьев, требуют себе жертву. По их следам идут звери, голодные и замёрзшие, яростно и ревностно ищущие чем бы полакомиться.

Он начал спотыкаться, идти кое-как, медленно, всё сильнее клониться к земле, к мягкому и пушистому снегу.

Сил больше нет идти дальше. Он сошёл на обочину и начал рыть яму, затем сел в неё, вздохнул. Теперь ветер не дует так сильно, можно укрыть голову и покурить. Он дрожащими руками достал из кармана зажигалку, аккуратно вынул сигареты, лишь бы не намочились. Перчаткой отодвинул с лица отвердевший и заледеневший шарф, сунул в рот си-

гаретку. Зажёг. Теперь он, наверное, больше не встанет. Посмотрел на часы. Оказывается, он идёт уже три часа, находясь в раздумьях. Стрелка показывает шесть часов утра. Однако на улице темно, хоть глаз выколи.

Он не стал докуривать, сигарета выпала изо рта в снег. Он полез за ней, да так и упал. Посмотрел на небо. Звёзды. Холодные звёзды. Они так далеко, они ведь такие... горячие, но их тепло не дойдёт до сюда, ни градуса. Их дело лишь смотреть, наблюдать. Он снова вздохнул. Видно, судьба такая – умереть вот так быстро, неожиданно, сегодня, посреди густого леса, быть разодранным голодными волками, растащенным по всему лесу в качестве лёгкой добычи.

Он привстал, пытаясь в угасающем тепле найти хоть капельку сил и выполз на дорогу. Пополз. Сейчас он напоминал собой раненого тюленя, который, выбравшись из воды на льдину, безуспешно пытается сбежать от преследующего его белого медведя.

Мужик прополз ещё несколько метров и всё-таки смирился. Ладно, к чёрту, покурил, теперь можно и умереть спокойно. Всё равно ни зги не видно. Он прикрыл глаза, почувствовал облегчение, когда застывшие веки, наконец, упали и не нужно их больше напрягать. Лишь вдали засветился какой-то огонёчек, наверное, либо галлюцинация, либо уже свет в конце туннеля. Огонёк ударил прямо в глаза и заставил их снова раскрыться. Мужик не поверил глазам. Неужели кто-то едет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.